

ДУБЛЕТНЫЕ НАПИСАНИЯ В УДМУРТСКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIX ВЕКА

Л. М. Ившин

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

Поступила в редакцию 27 ноября 2017 г.

Аннотация: характерной особенностью удмуртского языка второй половины XIX в. является значительная лексическая и орфографическая вариативность. Там, где в современном языке зафиксирован один вариант слова, в старых текстах можно встретить несколько взаимозаменяемых вариантов. Причинами возникновения вариантности являются сохранение традиционных написаний конца XVIII в. и влияние территориальных диалектов.

Ключевые слова: удмуртский язык, графика, орфография, письменный памятник, вариативность.

Abstract: a characteristic feature of the Udmurt language of the second half of the 19th century is large lexical and spelling variation. While in the modern Udmurt language there exists the only version of the word spelling, in the old texts one can find several interchangeable options. The reasons for the variance are preservation of traditional spelling of the late 18th century and the influence of territorial dialects.

Key words: the Udmurt language, graphics, orthography, written records, variability.

Первая грамматика удмуртского языка [1], которая применила русскую графику и частично правописание русского языка для записи удмуртских слов, послужила негласным кодификатором графических и орфографических норм при составлении письменных памятников более позднего периода. В истории удмуртской письменности графическая система этой грамматики оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских звуков средствами русской графики в более поздних рукописных и печатных памятниках. Правописание (точнее, элементы правописания), полученное от русской письменности XVIII в., в дальнейшем совершенствовалось в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма. Почему речь идет об элементах орфографии? Как известно, в удмуртском языке ни в XVIII, ни в XIX в. вербально сформулированных орфографических правил еще не было, поэтому, как нам кажется, целесообразнее оперировать термином «элементы орфографии». Тем более, что и некоторые специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, например, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, исследуя памятники древненемецкой письменности, отмечают: «Орфография немислима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего

языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца» [2, с. 26]. Значит, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее и в памятниках ранней удмуртской письменности. Как отмечалось выше, традиции письма первой удмуртской грамматики сохраняются на всех уровнях языка в памятниках письменности первой половины XIX в. (подробнее об этом см.: [3, с. 421–423; 4, с. 143–144]).

Орфографическая вариативность является характерной особенностью удмуртского языка на всем протяжении его развития, но особенно – в XIX в. Вариативность или вариантность – это наличие нескольких или многих вариантов чего-либо. Орфографическая же вариативность – наличие нескольких вариантов написания одних и тех же слов, их форм, различных аффиксов, а также слитное, дефисное и раздельное оформление сложных слов. Это объективное следствие языковой эволюции, непреходящий атрибут живого литературного языка. Ее присутствие характерно в большей части только для текстовых памятников, особенно для удмуртского языка, поскольку только в текстах слова и их различные формы могут повторяться несчетное количество раз. Только письменные тексты позволяют проследить эволюцию форм выражения и предоставляют необходимые и естественные контексты для функционально-стилистического, сочетаемостного и позиционного анализа вариантных пар.

Орфографическая вариативность письменных памятников на удмуртском языке уже находила отражение в научной литературе. Так, например, В. К. Кельмаков [5, с. 49–105] рассматривает дублетные написания в опубликованном в 1847 г. Евангелии от Матфея на сарапульском диалекте. Вариативность в нем исследователь объясняет тем, что до публикации книг 1847 г. не было прецедента издания больших текстов на удмуртском языке и опыта у их создателей. Вопросу о вариативности в переводе Евангелия от Луки, выполненном в начале 20-х гг. XIX в., была посвящена и наша работа [4, с. 143–146], в которой причину вариантных написаний мы объясняем различным написанием форм слов несколькими (разными) переводчиками, возможно, их стремлением выразить собственное «я».

В проанализированных нами письменных памятниках 80–90-х гг. XIX в. встречается немало дублетных написаний одних и тех же слов и их форм, например:

гыне ~ гынэ ~ гёнэ ‘только’: *Первой урокйосыз валамте койён дыртыса солы мукет урокйос возматод ке со букваез тодмамте койён тек нимзе гыне вераса чырдыны дышоэ* [6, с. 4]. ‘Если на первых занятиях, поспешая по невнимательности, будешь давать ему другие уроки, он [ученик] научится читать только название буквы’¹. *Дышескибез дышетон дырға одик но дыртыны кулэ ёвёл, азла урокйосыз туж леэ валам бере гынэ солы берло урокйосыз возматыса валатыны кулэ* [там же]. ‘Когда учишь ученика, торопиться не следует, только после того, как он очень хорошо усвоит первые занятия, ему нужно показывать [дать понять] следующие’. *Мар тодемде ьарак эн вера тек ларанозе гёнэ вера...* [там же, с. 26]. ‘Все известное тебе целиком не говори, скажи только нужное’;

джож ‘досада, досадный досадно; обида, обидный, обидно; печаль, печальный, печально; грусть, грустный, грустно’ ~ *жожемес* ‘нашу досаду, обиду; нашу печаль, грусть’: *Селыкйосмес бытты мильестым, мильам джожем каришйосмылы кёт жожемес быттеммы шамэн* ‘И остави намь долги наши, якоже и мы оставляемь должникам нашимь’ [7, с. 7]. Как видно из данного примера, иногда дублетное написание встречается не только в разных местах текста, но и рядом – даже в одном и том же предложении;

кўнь ~ кунь ‘три’: *Со кышно картлы кошкыса кўнь ар улэм бэраз, налпаськыса-налпаськыса тодэм, сўрэтлослы вёсақкыса улон, Иьмарлы лараулы лэзэч уж ёвёл вылэмэз* [8, с. 3]. ‘Та женщина, выйдя замуж и прожив три года в замужестве, узнала в раздумьях,

что поклонение идолам – не угодное Богу дело’. *Соуос лыктэм бэрэ вэрам: «ти монэ наркумышэн вийыны тыртиқкоды вылэм, таьи со наркумыш понытэм луонэз сиъазады луо», шўэм но, Атайлэн, Пилэн, Святый Бўслэн ьимыз пённа шўса, со луон вылаз кўнь пол кирос карэм но лўса лэзэм* [8, с. 11]. ‘По прибытии их, она сказала: «вы меня, оказывается, ядом хотели убить, так вот, перед вашими глазами выпью напиток с ядом», сказала она, и во имя Отца, Сына, Святого Духа, наложив троекратно крест на напиток, выпила’;

мыныськым ~ мынысьтым ‘мой, мой’: *Тужгесйк мыныськым (мынысьтым) законтэм улоньёсме бытты, сьёлыкелйсь монэ дўнматы* [9, с. 3]. ‘Особенно меня от моих беззаконных дел избавь, от грехов моих меня очисти’;

ёжёт ~ ёжыт ‘мало’: *Чурыт кыло эн лў, сабырлыго лў, кыл бесте эн лў, ёжёт вераскы* [6, с. 26]. ‘Не будь скуп на язык, будь кротким, не будь косноязычным, говори немного’. *Арберёд ёжыт лўозке напсиослиқ возмаськыны зеқ шўса тау кары* [там же, с. 28]. ‘Если вещей у тебя будет мало, поблагодари, что хорошо охранять их от алчных’;

сўрэтлослы ~ сўрэтйослы ~ сўрэдлослы ‘идолам’: *Солэн картэз сўрэтлослы вёсақкыса улиқ мурт вылэм* [8, с. 3]. ‘Его муж был, оказывается, идолопоклонником’. *Со алзыны бытмытэк улиқ муртос пушкыс одик сўрэтйослы вёсақкыса улиқ Анөимй ьимо мурт вань вылэм* [там же, с. 5]. ‘Среди этих завистливых людей был один идолопоклонник по имени Анфимий’. *Сокры Никомахь куралзонлы чидамэз потытэк, ассэ ачыз арам карыса чырэктаса вэрам: «мон Христось косэм законэз ук куты, сўрэдлослы курбон вёсало», шўса* [там же, с. 8]. ‘Тогда Никомах, не захотев больше терпеть, погубив сам себя, с криком сказал: «Я не приму веру Христову, буду идолам поклоняться»’;

Христос ~ Христось ‘Христос’: *Со вит орэс пиьал вэрам: «Мон Христос дышэтэм шамэн, кылдытиқ Иьмарэлы оскыско, Христослы оскыса улон законэз кутыско», шўса. Со бэрэ нош луальам: «Тон Христось дышэтэмэз кизы тодид», шўса* [8, с. 32]. ‘Этот пятилетний ребенок сказал: «Я, как учил святой Христос, верю моему творцу Богу, применяю в жизни закон веры в Христа». После этого [его] снова спросили: «Ты как узнал Христово учение?»’

На основе собранного фактического материала на параллельные (дублетные) написания одних и тех же слов и их форм орфографическая вариативность анализируемого материала предварительно складывается из следующих элементов.

1. Непоследовательного обозначение велярности согласных посредством использования последующих гласных букв э или е:

узвэс ~ узвэс ‘свинец, свинцовый’: *Тёлы узвэс ‘олово’, Ыль узвэс ‘ртуть’* [10, с. 62].

¹ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен автором.

2. Двойственного обозначения палатальности согласных: в одном случае мягкий консонант отображается при помощи специального графа (с крючком), в другом – обычной кириллической буквой, причем, после обоих стоит йотированная буква:

пињялийослиць ‘у детей’ ~ *пињялийос* ‘дети’: *Атайлен бахельлөгез пињялийослиць корказе лунмате анайлен каргышиез сойосыз пыдлылицькыз куащтэ* [6, с. 19]. ‘Благословение отца укрепляет дом детей, проклятие матери высушивает их [детей] с ног’. *Пињялийос перейослы лыр поныса улэ* [там же, с. 20] ‘Дети, преклоняйте голову перед старшими’.

3. Наличия/отсутствия буквы **ъ** в конце слов после велярных согласных:

косемь ~ *косем* ‘завет; он попросил (завещал)’: *Иньмарлен святой церковас мылкыд поныса, сое саннаса, косемь кылийоссе кылзыса, со косемь шамен карыса улы* [6, с. 24]. ‘В святой церкви Бога почитай Его, слушай Его заветы, живи по Его законам’;

Христос ~ *Христось* ‘Христос’: *Со вит орэс пињал вэрам: «Мон Христос дышэтэм шамэн, кылдытиц Иньмарэлы оскыско, Христослы оскыса улон законэз кутыско», шўса. Со бэрэ нош луальам: «Тон Христось дышэтэмэз кизы тодид», шўса* [8, с. 32]. ‘Этот пятилетний ребенок сказал: «Я, как учил святой Христос, верю моему творцу Богу, применяю в жизни закон веры в Христа». После этого [его] снова [они] спросили: «Ты как узнал Христово учение?»’

Необходимо отметить, что буква ер (**ъ**) для обозначения конечного твердого согласного в удмуртских словах памятников конца XIX в. употребляется лишь в единичных примерах, наряду с формами без этой буквы. В русских же словах с конечной на твердый согласный этот знак, как правило, сохраняется.

4. Слитного, раздельного или дефисного написания частиц:

тодмаз ке ‘если узнает’ ~ *мынитке* ‘если (ты) пойдешь’: *Тодем буквайоссе мукет кињгайын но тодмаз ке ларалоз...* [6, с. 4] ‘Если знакомые буквы [ученик] узнает в другой книге, хватит...’. *Муген мынитке чаль берты* [там же, с. 17]. ‘Если с целью идешь, быстро возвращайся’;

кельтїд-ке ‘если ты оставишь’ ~ *озыке* ‘если так’: *Мыныськым (мынысьтым) възьдаськыса одїгог сьольктыэ вератэк ватыса, дяке (либо) таныса кельтїд-ке, уката сьолько луод* [9, с. 10]. ‘Постыдившись меня, не скажешь о некоторых своих грехах или утаишь их, еще более грешным будешь’. *Озыке вала: татцы мед бурмом шўса пыремдэ тоды но, бурмытэк эн поты, бурмыса поты*. ‘Если так, пойми: знай, что сюда заходишь ради исцеления, не выходи, не исцелившись, а выходи, исцелившись’ [там же, с. 10].

5. Слитного или дефисного написания аффиксов падежей:

тодон-лен ‘у знания’ ~ *муртлен* ‘у человека’: *Тодон-лен пугыз Иньмарлиць курдан* [6, с. 18]. ‘Конец знания – боязнь Бога’. *Иньмар муртлен мылкыдыскыз налпамзе но њарак тодыса улэ* [там же, с. 18]. ‘Бог все человеческие желания и мысли знает’.

Каковы же причины возникновения варьирования?

В первую очередь, как нам думается, возникновение вариантности связано с традиционными написаниями. Как мы уже отмечали в начале исследования, первая грамматика удмуртского языка под названием «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» послужила негласным кодификатором графических и орфографических норм удмуртского языка конца XVIII в. Правописание (точнее, элементы правописания) в дальнейшем совершенствовалось в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма и в какой-то степени дошло до наших дней.

Вторую причину в варьировании слов мы видим во влиянии территориальных диалектов удмуртского языка. Как верно отмечает историк литературного удмуртского языка В. К. Кельмаков [5, с. 126], почти каждый автор, переводчик или издатель XIX – начала XX в. нередко пользовался собственной графической системой. Причиной последнего явились стремление издателей предельно точно фиксировать фонетические особенности «казанского», «глазовского», «сарapulьского», «елабужского» и частично «уфимского» диалектов, на которых издавалась печатная продукция того времени. Мы полностью поддерживаем это мнение.

Наблюдения над вариантными парами на материале текстовых письменных памятников конца XIX в. позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Вариантность – это не результат случайной речевой небрежности или плохого знания языка, а объективное следствие языковой эволюции и непреходящий атрибут живого литературного языка. Вариантность в письменных памятниках исследуемого периода, по сравнению с более ранними удмуртскими текстами, заметно сокращается, как нам кажется, от сознательного усилия нормализаторской деятельности переводчиков. Присутствие в текстах письменных памятников 80–90-х гг. XIX в. случаев различного буквенного оформления одних и тех же удмуртских слов и их форм доказывает, что удмуртская орфография и во второй половине XIX столетия продолжает свое развитие, однако о ее нормированности говорить еще рано. Причиной вариативности слов выступают традиционные написания и влияние территориальных диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи и наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. – Ижевск : Удмуртия, – 1975. – С. 19–132.

2. Зиндер Л. Р. Историческая фонетика немецкого языка : пособие для студентов пед. институтов / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – М. ; Л. : Просвещение, 1965. – 192 с.

3. Ившин Л. М. Традиции удмуртской грамматики 1775 года в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века / Л. М. Ившин // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе : сб. ст. – Ижевск, 2013. – С. 419–423.

4. Ившин Л. М. Орфографическая вариативность в первом переводе Евангелия от Луки на удмуртском языке / Л. М. Ившин // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филоло-

гических науках : сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (14–17 окт. 2014 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2014. – С. 143–146.

5. Кельмаков В. К. О языке первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка / В. К. Кельмаков // Очерки истории удмуртского литературного языка : учеб. пособие / Удм. гос. ун-т, фак. удм. филологии., каф. общ. и финно-угор. языкознания (= Удмурт вераськетъёс 8). – Ижевск : Удмуртский университет, 2008. – С. 49–105.

6. Букварь для крещенныхъ вотяковъ. Гожтет тодыте. – Казань, 1882.

7. Сокращенный молитвословъ на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1887. – 79 с.

8. Училище благочестія на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1892. – 54 с.

9. Чинь исповѣданія и како причащати больнаго. На вотскомъ языкѣ. – Казань, 1897. VII + 61 с.

10. Первоначальный учебникъ русскаго языка для вотяковъ. – Казань, 1892. – 121 с.

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Ившин Л. М., кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Тел.: (3412) 68-78-70, 8-950-815-62-01

Udmurt Institute for History, Language and Literature

Ivshin L. M., Candidate of Philology, Researcher

E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Тел.: (3412) 68-78-70, 8-950-815-62-01